

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

(на материале исторической фонетики)

Попытка периодизации истории удмуртского языка, создание которой настойчиво диктуется расширением научных изысканий в области исторической грамматики и практикой вузовского преподавания ее¹, впервые, как нам кажется, была предпринята Д. В. Бубрихом в конце 30-х годов. В небольшой статье он оперирует понятиями «удмуртский язык старшей поры» и «удмуртский язык нового времени» (Бубрих 1929), призванными обозначать два хронологических среза в истории удмуртского языка. В последующей работе по исторической фонетике он акцентирует внимание на т. н. «древнепермской речи», т. е. общепермском этапе развития удмуртского языка, противопоставляя его «собственно удмуртской речи», т. е. удмуртскому языку после отделения его от близкородственного коми языка (Бубрих 1948 : 28).

Эти важнейшие вехи в развитии удмуртского языка, отмеченные основоположником советского финно-угроведения, к сожалению, не были им расшифрованы ни в лингвистическом отношении, ни в отношении хронологических границ между ними. Специалисты по исторической фонетике пермских языков (В. И. Лыткин, В. Штейниц, Э. Итконен, К. Редди и др.) в 1950—1970-х годах обращали преимущественное внимание на прапермский период истории удмуртского и коми языков, оставляя в тени вопросы истории — в том числе проблемы ее периодизации — удмуртского языка периода самостоятельного развития.

Успехи удмуртской диалектологии последних десятилетий и обусловленная ими интенсивная разработка вопросов исторической грамматики удмуртского языка позволяют вернуться к рассматриваемой проблеме, попутно поставленной Д. В. Бубрихом около полувека назад. В данной статье делается попытка решить три взаимосвязанные задачи: 1) выявить основные периоды в развитии фонетической системы удмуртского языка; 2) очертить круг важнейших фонетических процессов, определяющих лингвистический статус каждого периода, и 3) уточнить, хотя бы ориентировочно, их хронологические рамки.

Используя идеи Д. В. Бубриха и других специалистов по истории пермских языков, с одной стороны, и материалы по исторической фоне-

¹ О теоретической и практической важности периодизации истории языка подробнее см. Исаченко 1963 : 150, 154—155.

тике удмуртского языка, с другой, историю современного удмуртского языка можно подразделить на три основных периода: 1) прапермский (общепермский), 2) праудмуртский (дописьменный удмуртский) и 3) современный удмуртский с соответствующими этим периодам прапермским (общепермским), праудмуртским (дописьменным удмуртским) и современным удмуртским языками.

Прапермский период, на первый взгляд не имеющий прямого отношения к истории собственно удмуртского языка, в действительности представляет собой важнейшую веху в становлении современных удмуртского и коми языков. Это период формирования прапермской системы гласных и согласных, ставшей впоследствии исходным пунктом для развития фонетической системы каждого из родственных языков. В рассматриваемый период пермские языки пережили целый ряд важнейших инноваций — фонетических, грамматических, лексических, в своей совокупности значительно отличающих эти языки от других финно-угорских. Перечислим некоторые из них (этимологические сопоставления взяты из КЭСК).

1. Перестройка финно-угорского вокализма в прапермскую эпоху заключалась в том, что а) исчезла количественная корреляция кратких и долгих гласных (если она действительно существовала); б) к имеющимся трем ступеням подъема присоединилась в прапермском вокализме четвертая (между верхним и средним подъемами); в) прежнее двойное членение гласных на переднерядные и заднерядные, служившее парадигматической базой для сингармонизма, сменилось тройным делением на гласные переднего, среднего и заднего ряда (Itkonen 1954 : 333). Образование среднего ряда в системе гласных и утрата переднерядных *ï*, *ä* и *ö*, сингармонически противопоставленных гласным заднего ряда *u*, *a*, и *o*, привели к разрушению финно-угорской гармонии гласных в прапермском языке (Collinder 1942 : 103—104; Rédei 1968 : 42; Основы 166).

2. В пермских языках (в прапермский период) произошли сужение и сопутствующая ему спорадическая лабиализация этимологически широких неогубленных гласных финно-угорского языка-основы, например: удм., коми *ки* 'рука' (< праперм. **ki*) | мордМ *кядь*, фин. *käsi*, венг. *kéz* (< доперм. **käte*-); удм., коми *мыс* 'печень' (< праперм. **musk*-) | фин. *maksa*, венг. *máj* (< доперм. **maksa*) и др. (см. подробнее: Лыткин 1957 : 81—82; 1972).

3. Пермские языки характеризуются наличием в анлауте вторичных звонких согласных, отсутствующих — за исключением венгерского — в других финно-угорских языках, ср.: удм. *гыжы*, коми *гыж* 'ноготь, коготь' (< праперм. **gūžz*) | мар. *кӱч*, мордЭ *кенже*, фин. *kynsi*, манс. *künš* (< доперм. **künče*-); удм. *зыры*, коми *дзир* 'шарнир' (< праперм. **žirz*) | фин. *sarana*, *säränä*, хант. *тәре* (< доперм. **č̣ṛz*-) и др. Путем озвончения первичных глухих в удмуртском (и коми) языке в прапермский период образовались следующие анлаутные звонкие: смычные *б*-, *д*-, *г*-; щелевые *ж*-, *з*-; аффрикаты *ж̣*-, *з̣*- (см. подробнее: Лыткин 1957 : 87—90; 1968).

4. Из перечисленных звонких согласных смычные и аффрикаты появились в ин- или ауслауте прапермских слов в результате деназализации сочетания финно-угорских носовых согласных с гоморганными глухими смычными или аффрикатами: **mp*- > *-б(-)*, **nt*-, **mt*- > *-д(-)*, **ŋk*- > *-г(-)*, **nč*- > *-ж(-)* > *-ж(-)*, **ñč*- > *-з(-)* > *-з'(-)*, например: удм. *удыны* 'напоить, подать пить', коми *удны* 'кормить-поить, угощать' (< праперм. **ud*-) | морд. *андомс*, фин. *antaa* 'давать, вручать; приносить', венг. *adni* (< доперм. **amta*-); удм. *выжыны* ~ диал. *выжыны*, коми *вуджны* 'переправиться, перейти' (< праперм. **viž*-) |

мар. *вончаш*, марГ *ванжаш*, манс. *unš-*, хант. *ùntš* (< доперм. **wanča-*) и др. (Лыткин 1957 : 91).

5. Отпадение конечных гласных основы. Как известно, непроемные основы финно-угорского праязыка были двусложными и оканчивались на гласный звук (-*a/-ä* или -*e*) (Основы 192). Эти конечные гласные в пермских языках в абсолютном большинстве случаев отпали, например: удм. *вуж* 'старый, ветхий, дряхлый; черствый (о хлебе)', коми *важ* 'старый, старинный, древний' (< праперм. **važ ~ ? *vāž*) | фин. *vanha* (< доперм. **vanša*); удм. *сэп*, коми *сөн* 'желчь, желчный пузырь' (< праперм. **sep*) | мордЭ *сэпе*, мордМ *сяпе*, фин. *sappi*, венг. *ere* (< доперм. **säppä*); удм. *тол*, коми *төв* 'зима' (< праперм. **tól*) | мордЭ *теле*, мордМ *тала*, фин. *talvi* (< доперм. **tälä*); удм., коми *нин* 'лыко' (< праперм. **nin*) | фин. *niini* (< доперм. **nīne*) и др. В отдельных случаях отпали и некоторые согласные, стоявшие непосредственно перед конечным гласным основы, например: удм. *сю*, коми *сё* 'сто' (< праперм. **šō*) | мар. *шүдö*, мордЭ *сядо*, МордМ *сяда*, фин. *sata*, венг. *száz*, хант. *sòt, sät*, манс. *sāt* (< доперм. **šata*); удм. *йö*, коми *йи* 'лед' (< праперм. **jō ? < jö*) | фин. *jää*, венг. *jég*, манс. *jaŋk* (< доперм. **jāŋe-* или **jāŋe-*) и др. (см. подробнее: Лыткин 1957 : 66 и сл.).

В результате отпадения конечных гласных основы и вызванных им других явлений конца слова в пермских языках образовалась целая серия односложных основ различной фонетической структуры, малохарактерных для других финно-угорских языков, например:

CV: *ши* 'жало; острие', *му* 'земля', *гы* 'волна', *ю (йу)* 'зерно, хлеб в зерне', *ку* 'кожа', *лы* 'кость';

CVC: *вить* 'пять', *нбыль* 'четыре', *пуз* 'яйцо', *гон* 'шерсть, волосы (на теле)', *льд* 'счет';

CVRC: *горд* 'красный', *гырк* 'дупло', *корт* 'железо';

VC: *уж* 'работа', *ул* 'низ', *уд* 'росток', *азь* 'перед';

VR: *урт* 'душа, двойник'.

Хотя отдельные из отмеченных явлений — иногда регулярно и последовательно, а порой спорадически — встречаются и в других финно-угорских языках (например, исчезновение гармонии гласных в эстонском, большинстве диалектов хантыйского и мансийского языков; частичное сужение и лабиализация первичных широких неогубленных гласных в марийском; озвончение аналогичных глухих и деназализация сочетаний типа *-*tr-* в венгерском и т. д.), однако в совокупности они представлены лишь в пермских языках и составляют их специфику в области фонетики. Эти фонетические изменения были результатом длительного совместного развития удмуртского и коми языков в пределах прапермской общности, о чем свидетельствуют почти идентичные следы их в современных пермских языках.

Общепермский период в истории удмуртского и коми языков длился около (свыше?) двух тысячелетий. Началом его считают I тыс. до н. э. (Лыткин 1952 : 14; 1953 : 53; 1955 : 7; 1957 : 14), а в некоторых исследованиях и середине II тыс. до н. э. (Hajdú 1966 : 14; Основы 39; Лыткин 1975 : 86) — время отделения пермских языков от финно-пермской ветви. Относительно конца прапермского периода, т. е. времени распада прапермского единства и формирования самостоятельных удмуртского и коми языков, имеются различные мнения. В. И. Лыткин относит распад общепермского лингвистического единства то к VIII—IX вв. (Лыткин 1952 : 15; 1955 : 7; см. также Rédei 1970 : 68), то к IX—X вв. (Лыткин 1953 : 61; 1957 : 24; 1967 : 136, 142); в обобщающих трудах по финно-угроведению указывается VIII в. (Hajdú 1966 : 14; Основы 39; см. также Лыткин 1975 : 86); этнограф В. Е. Владыкин относит формирование

самостоятельных удмуртского и коми этнолингвистических единиц к еще более раннему сроку — первой половине I тыс. н. э. (Wladikin 1972 : 244).

Опорой при определении верхней границы прапермского периода служат тюрко-булгарские заимствования пермских языков: часть из них встречается в обоих пермских языках², т. е. заимствована в период прапермского единства, значительное же количество лексических булгаризмов употребляется лишь в удмуртском языке, т. е. они заимствованы удмуртским языком в период его самостоятельного развития. Если переселение булгар на Среднюю Волгу отнести к VII—VIII вв., а начало интенсивных булгаро-прапермских языковых контактов — к IX в., то распад прапермской лингвистической общности предположительно может быть отнесен к IX—X вв. (Rédei — Róna-Tas 1972 : 289, 297—298).

Второй период в истории удмуртского языка — праудмуртский (или дописьменный удмуртский) — это эпоха накопления собственно удмуртских черт, отличающих данный язык от близкородственного коми, и складывания основных территориальных диалектов современного типа. По характеру протекания важнейших, частично датируемых, фонетических процессов, он в свою очередь делится на два подпериода: а) ранний праудмуртский — с X по XIV—XV вв., б) поздний праудмуртский — с XV по XVII—XVIII вв.

Ранний праудмуртский язык определяют, как нам кажется, те фонетические явления и процессы, которые имели общеудмуртский характер и, естественно, оставили почти идентичные следы во всех удмуртских диалектах. Эти явления свидетельствуют, на наш взгляд, об относительной однородности (по крайней мере, в фонетическом отношении) праудмуртского языка, об отсутствии в нем сильного диалектного дробления в рассматриваемый период. Вот основные из этих фонетических явлений и процессов:

1. Репласация ударения. Прапермская система акцентуации была разрушена, на ее основе образовались самые различные типы ударения в современных пермских языках (и диалектах): а) на первом слоге — в коми (-зырянском) языке; б) осново-разноместное морфологизированное — в коми-пермяцком; в) качественно-вокальное — в коми-язьвинском диалекте и г) на последнем слоге — в удмуртском языке (Лыткин 1965 : 257). Укреплению удмуртского ударения на последнем слоге способствовало, помимо каких-то внутренних, пока еще не изученных причин, влияние тюркских языков.

2. Переход прапермского (resp. финно-угорского) анлаутного *r в ж или з, например: жо́г 'скоро, быстро, спешно' < праперм. *rēg (коми *pegyd* | венг. *rögtön, rögvest* 'немедленно'); зичы 'лиса' < праперм. *ršč (коми *pyч*) < доперм. *repäš (мар. *рывыж*, морд. *ривезь*, фин. *repo*, венг. *ravasz*) и др.

3. Сужение праперм. *a (Лыткин 1964 : 109, 173—174) или *ä (КЭСК 23) в у (коми *a*): ву́ж 'старый; старинный, ветхий' < праперм. *važ или *vāž (коми *важ*); дуры 'разливательная ложка, уполовник' < праперм. *dars (коми *дар*); юбер 'скворец; сойка; дрозд-рябинник' < праперм. *jābzr (коми *ябыр* 'скворец') и др. (свыше 20 примеров).

4. Сужение праперм. *ø в у через праудмуртскую ступень о

² Ю. Вихманн находит 37 общепермских булгарских заимствований, причем два не имеют удмуртского соответствия, а десять коми-удмуртских сопоставлений даны под одним или двумя вопросами (Wichmann 1903 : 137—139); В. И. Лыткин насчитывает около 30 таких слов (Лыткин 1967); по мнению же венгерских ученых, их всего 19 (Rédei — Róna-Tas 1972).

(= *o₂) ~ коми о, например: *гурт* 'деревня, селение' (< праудм. **go₂rt*) < праперм. **gort* (> коми *горт* 'дом'); *дун* 'цена, стоимость' (< праудм. **do₂n*, ср. -дон: *коньдон* 'деньги') < праперм. **dɔn* (> коми *дон*); *мурт* 'человек, чужой, чужак' (< праудм. **mo₂rt*, ср. диал. -*mort*: *udmort* 'удмурт, удмуртский', *šuzmort* 'дядя по матери') < праперм. **mort* (> коми *морт*) и т. д. — свыше 100 соответствий (Лыткин 1967 : 137). Этим процессом было охвачено несколько — возможно, наиболее древних — русских заимствований в удмуртском языке (*мурдо* 'рыболовная снасть' < рус. *морда* то же, *кульчо* 'кольцо' < рус. *кольцо*, *кусо* 'коса (орудие)' < рус. *коса*, *укно* 'окно' < рус. *окно* и др.), на основе чего Ш. Чуч относит его к XV—XVI вв. — началу интенсивных удмуртско-русских языковых контактов (Csúcs 1972 : 34). Однако имеется возможность датировать последнее несколько более ранним временем — XIV—XV вв., ибо проникновение русских в земли северных удмуртов, по исследованиям историков, началось еще в XII—XIII вв. (Кельмаков 1974а : 66). Если согласиться с данным предположением, то переход праудмуртского *o₂ (< праперм. **o*) в удм. *y* является единственным и самым поздним из поддающихся ориентировочной датировке общеудмуртских фонетических процессов. Более поздние фонетические изменения имеют уже различные результаты по разным диалектам. Поэтому XIV—XV вв. условно приняты нами за верхний предел раннего праудмуртского периода.

Важнейшим результатом развития удмуртского языка в поздний праудмуртский период является окончательное формирование основных территориальных диалектов. О довольно четкой диалектной раздробленности языка в тот период свидетельствует, как нам кажется, то, что фонетические тенденции общеудмуртского характера оставили в диалектах разные следы. Сказанное относится прежде всего к процессу падения праудмуртских огубленных гласных (передне-)среднего ряда **ü* и **ö* (об их рефлексах в современных диалектах подробно см.: Кельмаков 1975б; в), ориентировочно датируемого нами XV—XVI вв. (Кельмаков 1975в). Возможно, тогда же имело место изменение *ĭ* > *i* перед палатальными и *j* в южном и периферийно-южном наречиях, проникновение огубленных гласных в непервые слоги слова и некоторые другие.

К моменту письменной фиксации в XVIII в. формирование фонетического строя удмуртского языка в его центральных диалектах было почти завершено, и, естественно, даже самые ранние письменные памятники (XVIII в.) отражают — за редкими исключениями — современный этап развития фонетической системы и грамматического строя удмуртского языка. Отдельные фонетические изменения имеют спорадический и периферийный, узкодиалектный, характер, например: постепенная замена заднеязычного носового сонанта *ŋ* другими носовыми согласными (*m*, *n* или *ŋ*) в диалектах южного и периферийно-южного наречий; возможно, возникновение фонем *ä* и *ə* в отдельных периферийно-южных говорах; появление палатальной гармонии гласных в татышлинском диалекте (Кельмаков 1968; 1974б; 1975а) и некоторые другие.

Такова в общих чертах наша рабочая схема периодизации истории удмуртского языка. Разумеется, мы даем себе отчет в том, что она не вполне совершенна и неокончательна. Дальнейшие изыскания в области исторической грамматики удмуртского языка, особенно определение абсолютной и относительной хронологии фонетических и грамматических процессов, позволят внести те или иные коррективы в двух направлениях: во-первых, будут уточнены хронологические рамки периодов и, во-вторых, полнее определены языковые явления и процессы каждого периода и подпериода.

ЛИТЕРАТУРА

- Бубрих Д. В. 1929. К вопросу о пермском вокализме. — Бюллетень культуры финно-угорских народностей Ленинградского общества исследователей 4, Ленинград, стр. 18—19.
- 1948, Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком), Ижевск.
- Исаченко А. В. 1963, К вопросу о периодизации истории русского языка. — Вопросы теории и истории языка, Изд. ЛГУ, стр. 149—158.
- Кельмаков В. К. 1968, О некоторых специфических фонемах кукморского диалекта удмуртского языка. — СФУ IV, стр. 187—196.
- 1974а, Csúcs Sándor, A votják nyelv orosz jövevényszavai I. — NyK LXXII 2 1970, стр. 323—362; II. — NyK LXXIV I 1972, стр. 27—47. — СФУ X, стр. 63—69 [Рец].
- 1974б, Фонема *ə* в татышлинском диалекте удмуртского языка. — СФУ X, стр. 101—106.
- 1975а, Элементы палатальной гармонии гласных в татышлинском диалекте удмуртского языка. — СФУ XI, стр. 33—42.
- 1975б, Рефлексы праудмуртских среднерядных гласных верхнего подъема в современных диалектах. — СФУ XI, стр. 96—104.
- 1975в, Судьба праудмуртского огубленного *ö* в современных диалектах. — СФУ XI, стр. 259—270.
- Лыткин В. И. 1952, Вопросы истории пермских языков. — Научное совещание по вопросам удмуртского языка и письменности. Тезисы докладов, Ижевск, стр. 11—20.
- 1953, Из истории словарного состава пермских языков. — ВЯ, № 5, стр. 48—69.
- 1955, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам с обзором диалектов и диалектологическим словарем I. Москва.
- 1957, Историческая грамматика коми языка I. Введение. Фонетика, Сыктывкар.
- 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- 1965, Вопросы акцентуации пермских языков. — Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung (Steinitz-Festschrift), Berlin, стр. 257—265.
- 1967, О древнетюркских элементах в лексике пермских языков. — Вопросы финно-угорского языкознания IV, Ижевск, стр. 131—142.
- 1969, К вопросу о звонких согласных начала слова в финно-угорских языках. — СФУ IV, стр. 19—25.
- 1972, Лабиализация гласных в пермских и марийском языках. — СФУ VIII, стр. 101—113.
- 1975, Пермско-иранские языковые контакты. — ВЯ № 3, стр. 84—97.
- Основы — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974.
- Collinder, B. 1942, Das Alter der Vokalharmonie in den uralischen Sprachen. — UUA, 9, стр. 85—114.
- Csúcs, S. 1972, A votják nyelv orosz jövevényszavai II. — NyK LXXIV, стр. 27—47.
- Hajdú, P. 1966, Bevezetés az uráli nyelvtudományba (A magyar nyelv finnugor alapjai), Budapest.
- Itkonen, E. 1954, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tschermisischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI, стр. 149—345.
- Rédei, K. 1968, A permi nyelvek első szótagi magánhangzóinak a történetéhez. — NyK LXX, стр. 35—45.
- 1970, Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen, Budapest.
- Rédei, K., Róna-Tas, A. 1972, A permi nyelvek ősermi kori bolgár-török jövevényszavai. — NyK LXXIV, стр. 283—288.
- Wichmann, Y. 1903, Die tschuwassischen lehnwörter in den permischen sprachen, Helsinki (MSFOu XXI).
- Wladikin, W. E. 1972, Die frühen Perioden der Ethnographie der Udmurten (Wotjaken). — Acta Ethnographica 21 (3—4), Budapest, стр. 235—261.

V. K. KELMAKOV (Iževsk)

**ZUR FRAGE ÜBER DIE PERIODISIERUNG DER GESCHICHTE DER
UDMURTISCHEN SPRACHE (ANHAND DER HISTORISCHEN PHONETIK)**

Der Artikel ist einer wichtigen und in der udmurtischen Sprachkunde wenig ausgearbeiteten Frage gewidmet. Es geht um die Festsetzung der Hauptperioden in der ununterbrochenen Entwicklung der udmurtischen Sprache.

Anhand des Materials der historischen Phonetik und Dialektologie unterscheidet der Autor folgende Perioden (und Subperioden) in der Geschichte des Udmurtischen:

1) die urpermische (gemeinpermische) Periode — seit dem I. (seit der Mitte des II. ?) Jahrtausend v. u. Z. bis zum IX.—X. Jahrhundert unserer Zeitrechnung;

2) die urudmurtische (vorschriftliche udmurtische) Periode (seit dem X. Jahrhundert bis zum XVII.—XVIII. Jahrhundert) mit zwei Subperioden: a) die frühere urudmurtische — seit dem X. Jahrhundert bis zum XIV.—XV. Jahrhundert; b) die spätere urudmurtische — seit dem XV. bis zum XVII.—XVIII. Jahrhundert;

3) die gegenwärtige udmurtische Periode — seit dem XVIII. Jahrhundert.